

Жаворонокъ.

1916 г.

== ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДЪТЕЙ. ==

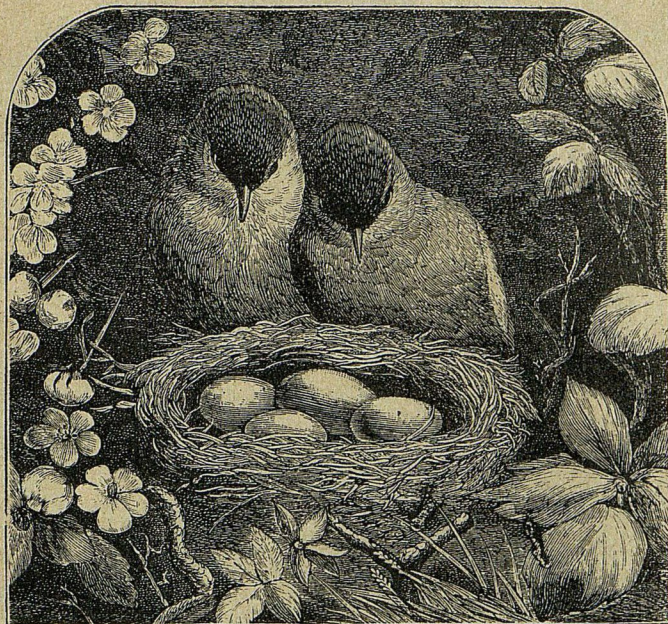
№ 7-й.

Жаворонокъ.

Птичкѣ.

На лепесткахъ—роса огнистая,
На небесахъ—пожаръ вари...
Скорѣе, птичка голосистая,
Привѣтъ теплу проговори!

Для насъ съ тобой свѣжи и велены
Сады въ свержающей росѣ,
Для насъ съ тобой ковры постелены
На каждой бѣдной полосѣ.

Для насъ—блаженство настоящее.
Тепло и свѣтъ—для насъ съ тобой,
И солнце ярко восходящее,
И неба проблескъ голубой...

Проснись скорѣе, крошка малая,
Съ приходомъ утра прощепечи!
Пускай заря услышитъ алая
Пѣвуньи ласковую рѣчи!

Ив. Морозовъ.

Г. Каульбахъ.

КНИЖКА СЪ КАРТИНКАМИ.

Письмецо.

— Отдохни, сынокъ, немножко:
 День-денской не отдыхаль.
 Завтра кончишь, милый крошка,
 Что учитель приказаль.

Ты усталъ ужъ, трудно дышишь.
 Отдохни, выйди на крыльцо.
 — Я ужъ кончилъ.—Что-же пишешь?
 — Да солдатамъ письмоце.

— Вотъ какъ! Дай-ка прочитаю,
 Что ты пишешь, милый, имъ.
 — Что-жъ, прочтите.—«Посылаю
 Свой привѣтъ вамъ, какъ роднымъ.»

Тамъ вы, гдѣ, подобно грому,
 Гуль снарядовъ, нѣтъ пути...
 Убѣжалъ-бы къ вамъ изъ дому,
 Да не знаю, какъ найти.

Здѣсь васъ каждый вспоминаеть
 И обнять васъ каждый радъ.
 Быть вамъ здоровыми желаетъ
 Вася—будущій солдатъ».

Вася радъ, а самъ мечтаетъ,
 Въ сердцѣ чувствуя привѣтъ:
 «Какъ письмо „тамъ“ прочитають,
 Такъ сейчасъ пошлють отвѣтъ».

С. И. Семеновъ.

Мейеръ.

УТРОМЪ.

Гражданинъ.

Мамочка родная,
Не брани меня:
Въ лазаретъ солдатамъ
Деньги отдалъ я.

Помнишь, разъ папаша
Гривенникъ мнѣ далъ?
«На, купи гостинцевъ»,
Онъ тогда сказалъ.

А еще мнѣ тетя
Пятачекъ дала.
Помнишь, у насъ въ домѣ
Елочка была?

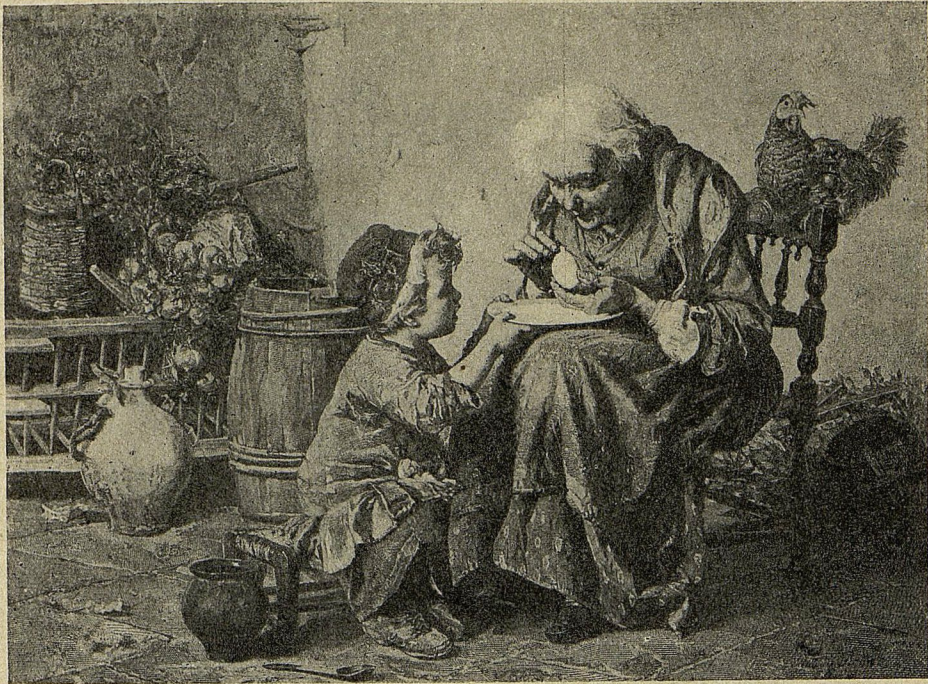
Много мнѣ дарили.
Я въ копилку клалъ.
А вчера, простите,
Въ лазаретъ отдалъ.

Говорилъ разъ въ школѣ
Мальчикъ намъ одинъ:
«Помогать всѣмъ долженъ
Русскій гражданинъ».

Вотъ я и надумалъ
Гражданиномъ быть,
Чтобъ страну родную
Искренно любить.

С. И. Семеновъ.

А. Потта.

БОЛЬНОЙ НОВОРОЖДЕННЫЙ.

Сенька.

Рассказъ Ал. Богданова.

I.

Убрали въ огородахъ картофель, окончились полевья работы, и Сенька пошелъ въ школу. Ну, и школа-же,—удивленье!.. Окна громадныя,—по стѣнамъ разныя картины съ птицами и звѣрями, а въ углу большой стеклянный шкафъ съ мудреными вещами.

Пугливымъ мышенкомъ Сенька проскользнулъ среди черныхъ партъ, чтобъ быть незамѣченнымъ, и забился позади товарищей.

Пришелъ учитель и что-то спрашивалъ. Сенька не помнилъ, какъ отвѣчалъ. Слезы отъ страха застилали его глаза.

Вотъ учитель сталъ писать на доскѣ крестики и палочки. Сенька смотрѣлъ затуманенными глазами и ничего не видѣлъ. Мѣлъ въ рукѣ учителя то поднимался, то опускался. Слѣдя за нимъ, Сенька тоже поворачивалъ голову то кверху, то внизъ.

Учитель говорилъ нараспѣвъ:

— Уу-ааа...

Сенька широко раскрывалъ ротъ, тарачилъ глаза и слушалъ. То, что пѣлъ учитель, казалось ему непонятнымъ и чуднымъ.

Вотъ—размахивая желтой линейкой—учитель подошелъ къ нему и положилъ руку на его плечо:

— Ууу-ааа!.. Повтори...

Сенька въ страхѣ закрылъ глаза.

— Ну, повтори-же!..—сказаль учитель.

Сенька вздрогнулъ. Ему стало еще страшнѣй. Онъ нагнулъ низко голову, словно желая спрятаться подь столъ.

— Ну, посмотри-же на меня!..—продолжалъ учитель и ласково взялъ его за подбородокъ.

Сенька съежился, плаксиво собралъ въ комочекъ носъ, губы и глаза. Онъ ничего не соображалъ.

— Перестань-же, глупый, плакать!..

Учитель улыбнулся и тихо коснулся его бѣлыхъ, какъ ленъ, волосъ.

Сенька принялся усердно вытирать грязными кулаками мокрое лицо.

Учитель пошелъ обратнo къ классной доскѣ.

Сенька облегченно вздохнулъ; онъ былъ доволенъ, что его оставили въ покоѣ.

По окончаніи урока онъ одиноко просидѣлъ всю перемѣну на скамѣ. Школьники около шумѣли, тянули его за рукавъ и звали играть. Многие изъ ребятъ были сосѣдами: Гришка-Лягушенокъ, Ванюшка-Гусиная Лапка, Тараска-Брюханъ. Но Сенька отказывался играть. Онъ боялся пошевелиться, боялся даже втягивать ртомъ воздухъ, а когда кашлялъ, то потихоньку наклонялся подь столъ и закрываль ротъ ладонью, точно хотѣлъ схватить рукой кашель, чтобъ онъ не разлетѣлся по классу.

Школьники постарше подбѣгали къ нему нѣсколько разъ. Кто-то захватилъ въ щепотку его волосы и потянулъ.

Отъ боли онъ громко заплакалъ.

— Плакса!..—сказаль обидчикъ.

— Плакса!.. плакса!..—хоромъ запѣли около него.

Такъ эта кличка и осталась за нимъ.

II.

Сенька былъ сирота, жилъ у дяди и привыкъ къ тому, что его всегда обижали, а заступиться за него было некому. Какъ-то разъ даже теленокъ-лизунъ и тотъ обидѣлъ: обжеваль новую рубаху. Вымыли ему къ празднику красную кумачную рубаху, повѣсили на плетень сушить, а теленокъ подошелъ да весь подоль и сжеваль. Горько плакалъ Сенька.

Въ школѣ Сенька съ трудомъ привыкалъ къ новымъ порядкамъ, и его всѣ считали тупымъ. Но это было не такъ. Онъ учился съ любовью, и чтеніе книгъ было единственнымъ утѣшеніемъ въ его сиротской жизни.

Цѣлыми часами онъ сидѣлъ, закрывъ глаза, поглощенный тѣми мыслями, которыя бродили въ его головѣ. Тогда онъ забываль свои дѣтскія печали. Сказочныя страны рисовались передъ нимъ.

Товарищи подкрадывались къ нему, хлопали за его спиной въ ладоши, кричали ему въ уши, тормозили... Сенька безпомощно и растерянно вскакиваль, а кругомъ раздавался громкій смѣхъ.

Случалось такъ, что его сшибаль съ ногъ и грузно наваливался на него какой-нибудь долговязый паренъ съ крикомъ:

— Ребята!.. Вали малу кучу!..

Сеньку сминала гора живыхъ сплетающихся тѣлъ. Онъ барахтался, дѣлаль усилія выбраться наверхъ, но—напрасно.

И всѣ обиды онъ сносилъ молча...

III.

Объяснительное чтение было любимым предметом Сеньки,—за арифметическими задачами он скучал. Было неинтересно делать то, что уже наперед указывалось смыслом задачи. А во время чтения он давал полный простор своим мечтам.

В школах находилось около ста человек. Учитель не мог следить за каждым и не знал, что происходит в душе Сеньки. Ему казалось, что мальчуган просто развѣянь и не запоминает прочитанного. Сенька—разсказывая—всегда прибавлял что-нибудь от себя, чего не было в книгѣ. Читая, например, описание леса, он вспоминал, что в лесу живут дрозды, и что дрозды обязательно скрывают дорогу к своим гнѣздам. А вот кукушка—та совсем не вѣсть гнѣздъ. И он говорил:

— А в лесу живут дрозды и кукушки...

— Рассказывай так, как в книгѣ...—останавливал его учитель.

— В лесу живут дрозды...—повторял Сенька, не понимая, чего от него хотят...

— Читай снова!..—требовал учитель.

Сенька перечитывал рассказ и никак не мог взять в толкъ, почему это в книгѣ забыли написать о дроздах, кукушках и еще о многом другом: муравьях, зайцах, ежах. Перед глазами его вставал лес, нарядный, ласковый и полный птиц и звѣрей.

— Ну, теперь рассказывай!..—говорил учитель, когда Сенька доходил до послѣдней точки и останавливался.

Сенька начинал пересказ и опять увлекался своими мыслями:

— А в лесу живут кукушки, ежи и муравьи!..

Учитель в недоумѣніи только разводил руками.

IV.

Мнѣніе о тупости Сеньки окончательно утвердилось в умѣ всѣх, когда читали басню «Пѣтухъ и жемчужное зерно».

— Назови мнѣ какой-нибудь драгоценный камень...—спросил Сеньку учитель.

Сенька подумал и сказал:

— Жернов!..

Учитель улыбнулся, а кругомъ раздался смѣхъ.

— Драгоценные камни маленькіе... И ихъ носятъ, какъ украшенія!..—сказал учитель.

Сенька быстро сообразилъ и отвѣтилъ:

— Бусы...

— Гуси!..—со смѣхомъ подхватили школьники.

— Тише вы!..—остановилъ учитель школьниковъ.—Ну, отвѣтъ еще—почему пѣтухъ называется в баснѣ невѣждой...

— Онъ хотѣлъ съѣсть жемчугъ, а жемчуга не ѣдятъ...—отвѣтилъ одинъ изъ школьниковъ.

— Почему?..—спросилъ учитель Сеньку.

— Не знаю!..—отвѣтилъ Сенька.

Онъ боялся вызвать отвѣтомъ новый смѣхъ...

А про себя въ это время онъ думалъ:
«Пѣтухъ былъ умный!.. Пѣтухъ ѣсть хотѣлъ!.. Ему ячменное зернышко лучше!..»

Послѣ урока школьники съ визгомъ обступили Сеньку, дергали за рубашку и кричали:

— Повѣсить ему жерновъ на шею!.. Осельскій жерновъ!..

V.

Произошелъ случай, послѣ котораго учитель съ особенной лаской сталъ относиться къ Сенькѣ.

Однажды школьники, празднуя храмовой престольный день, рѣшили не заниматься четыре дня вмѣсто полагаемыхъ по обычаю трехъ. Набросали въ школьную печь бумагъ и щепокъ, чтобъ наполнить комнаты угаромъ. Сенька заспорилъ съ товарищами:

— Нехорошо... Нехорошо!..

— Что не хорошо?.. Жалиться не хочешь-ли?..

— Плакса!..

— Бучку ему!.. Бучить плаксу!..

Сеньку прибили. Несмотря на усилія сдержать слезы, онъ не выдержалъ и отъ боли зарыдалъ.

Пришелъ учитель и спросилъ:

— Кто тебя обидѣлъ?..

Сенька не проронилъ ни слова и не выдалъ тайны.

Однако, среди школьниковъ нашелся такой, который подробно передалъ учителю, какъ происходило дѣло. Сенька сразу возвысился въ глазахъ всѣхъ. Замѣтивъ перемѣну въ обращеніи, онъ набрался храбрости и однажды даже рѣшился заговорить съ учителемъ:

— А, вѣдь, пѣтухъ умный былъ!..

— Какой пѣтухъ?..—спросилъ учитель.

— Который жемчужнаго зерна не ѣлъ!.. Онъ голодный былъ!.. Жемчуга ему не надо было...

Учитель нѣжно потрепалъ Сеньку по плечу.

VI.

Сенька отставалъ отъ товарищей по ариѳметикѣ. Но за то онъ оказалъ большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ и поражалъ всѣхъ складностью своихъ разсказовъ.

Онъ перешелъ уже въ старшее отдѣленіе, когда учитель задалъ школьникамъ сочиненіе на тему: «Кѣмъ хотѣлъ-бы я быть».

Между школьниками пошли споры и толки.

— Я хотѣлъ-бы быть помѣщикомъ...—разсуждалъ одинъ.—Я носилъ-бы сапоги съ бураками, ѣздилъ на тройкахъ и ѣлъ жареныхъ индюшекъ...

— Нѣтъ, я хотѣлъ-бы быть генераломъ...—разсуждалъ другой.—Я пошелъ-бы на войну, завоевалъ всѣ неприятельскіе города и получилъ крестъ...

— Я хотѣлъ-бы имѣть самую лучшую музыку!..

— Нѣтъ, братцы!.. Все это пустое!..—говорилъ четвертый.—Мнѣ-бы съ батюшкой только земли побольше да хозяйство хорошее...

Одинъ Сенька молчалъ.

Придя домой, онъ началъ писать сочиненіе. Но писать было неудобно. Все время мѣшала тетка, кроившая на столѣ лоскуты для одѣяла.

Тогда Сенька примостился на полу около скамьи.

Мысли и образы одинъ другого причудливѣе вставали въ его умѣ. Вспоминалась мать, больная и слабогрудая женщина, въ желтомъ ситцевомъ платочкѣ. И скорбное щемящее чувство охватывало его.

«Я хочу быть травкой на могилѣ моей матушки...—началъ онъ быстро записывать на сѣрой четвертушкѣ бумаги свои горячія роящіяся мысли.—Я буду зелененькой травкой. Тонкіе свои корешечки я пушу въ могилку, обниму ими свою матушку. А наверху около креста раскину бѣлые цвѣточки и лиловые колокольчики. Кто придетъ на погостъ, тотъ сорветъ цвѣточки и вспомнитъ мою матушку. Я обовью крестъ тоненькими стебельками. Утромъ вмѣстѣ съ зорькой стану будить мою матушку: встань, родная, погляди на красное солнышко...»

Лицо Сеньки вдохновенно преобразилось, и онъ продолжалъ:

«Днемъ я буду звенѣть серебряными колокольчиками... Подлетитъ ко мнѣ ласточка, послушаетъ мои пѣсни... Послушаетъ мои пѣсни солнышко, послушаетъ небо синее... Разнесутъ по свѣту бѣлому вѣтры вольные да тучи сизыя... расскажутъ про мою матушку...»

Сенькѣ не дали дописать,—стали накрывать ужинъ. Послѣ ужина дядя полюбопытствовалъ и спросилъ, какой урокъ училъ Сенька.

Сенька прочелъ то, что написалъ.

Дядя замѣтилъ сурово:

— Пустяковиной васъ въ школѣ балуютъ!..

— Нѣтъ, въ наше время по псалтыри проходили... Строгіе были уроки!..— замѣтилъ дѣдъ Сеньки.

Ночью Сенька не могъ спать. Когда всѣ старшіе полеглись, онъ долго ворочался на скамьѣ: встревоженные мысли не давали ему покоя. Зная, что будетъ наказанъ, онъ все-же рѣшилъ встать. Осторожно ступая босыми ногами по полу, онъ отыскалъ въ печуркѣ спички, зажегъ лампу, снялъ съ проволочнаго круга и поставилъ ее на столѣ, закрывая книгами свѣтъ, падающій на спящихъ. Онъ писалъ не долго. Проснувшійся дядя не полѣнился подняться и надрать ему уши, пригрозивъ, что утромъ расправится съ нимъ по настоящему.

Съ грустью отдавалъ на другой день Сенька свое недоконченное сочиненіе.

Возвращая домашнія работы, учитель всегда разбиралъ въ классѣ ихъ достоинства и недостатки.

Ученику, который хотѣлъ быть помѣщикомъ, онъ сказалъ:

— Глупости ты написалъ!..

Сочиненіе Сеньки онъ похвалилъ:

— Хорошо написано... Не всякому данъ этотъ даръ... Береги его въ себѣ и развивай!..

Сенька весь просіялъ. Самое лучшее и святое въ его душѣ наконецъ-то нашло оцѣнку.

Въ глазахъ его показались радостныя слезы.

— Плакса!..—насмѣшливо прошепталъ кто-то рядомъ.

Но обидныя слова уже не причиняли ему боли. Онъ былъ счастливъ—какъ художникъ и поэтъ.

Ал. Богдановъ.

АЛЕКСѢЙ ФЕОФИЛАКТОВИЧЪ ПИСЕМСКІЙ.

Извѣстный русскій писатель, авторъ романовъ «Тысяча душъ», «Тюфякъ»,
«Взбаломученное море» и друг.

Къ 35-лѣтнію годовщины смерти.
1881—1916.

О С Л И К Ъ .

Разсказъ Ал. Липецкаго.

Въ каждомъ полку имѣется свое любимое животное: собака, кошка, кроликъ; у кавалеристовъ, обыкновенно, козель, спасающій лошадей отъ нападенія звѣрьковъ—ласокъ. Ласки не выносятъ специфическаго козлинаго запаха.

Въ N-мъ полку такимъ животнымъ былъ—осликъ.

Купилъ этого ослика полковой командиръ незадолго до войны у проѣзжаго татарина. Вислоухій новичекъ, когда его ввели во дворъ казармъ, былъ встрѣченъ смѣхомъ и шутками: «Вотъ такъ барабанщикъ!», «Что, братъ, на военную службу попалъ. Ничего, ничего—вышколимъ. Будешь свои слухалки въ струну держать».

Осликъ смотрѣлъ исподлобья, видимо, серьезно подумывая, какъ бы поискуснѣ лягнуть кого-нибудь изъ насмѣшниковъ. Но когда его накормили овсомъ и дали переночевать въ теплой сухой конюшнѣ обозныхъ лошадей, отношеніе его къ новому мѣстожительству перемѣнилось. Утромъ, только бывало дежурный по конюшнѣ приподымался со своего тюфяка, осликъ уже весело помахивалъ ему навстрѣчу хвостомъ и ушами, выражая этимъ свое привѣтствіе. Нерѣдко помахиваніе это сопровождалось не совсѣмъ гармоничнымъ ревомъ, отъ котораго разгуливавшій по двору индюкъ приходилъ въ сильнѣйшій гнѣвъ. Словомъ, жилось ослику недурно. Если и подшучивали надъ нимъ иной разъ подъ веселую руку солдаты, зато какое, на примѣръ, удовольствіе поѣхать бывало изъ лагеря съ обознымъ за мукой или сѣномъ. Обозный—флегматичный красавецъ-цыганъ, растянувшись на возу и лѣниво подергивая вожжи, напѣваетъ, бывало, заунывную степную пѣсню, а осликъ, поскрипывая копытами, трусить сбоку. Онъ то поровняется на ходу съ телѣгой, то остановится, прижавъ къ затылку уши; то поровняется съ лошадью; а то забѣжитъ далеко впередъ и щиплетъ на бѣгу клейкіе круглые листья молодого березняка. Вѣкъ-бы не умиралъ.

Въ серединѣ лѣта—осликъ помнилъ, какъ разъ въ это время за сараемъ на огородѣ поспѣвали подсолнухи—квартировавшій въ селѣ полкъ пришелъ въ какое-то необычайное движеніе. Солдаты бѣгали по лагерю съ серьезными озабоченными лицами, что-то поспѣшно собирая, къ чему-то готовясь. А на другой день полкъ былъ уже въ городѣ, въ своихъ казармахъ.

Командиръ выстроилъ солдатъ, скомандовалъ: смирно и долго что-то имъ говорилъ. Слышались слова: Австрія, Сербія, Германія...

Поздно вечеромъ цыганъ, засыпая по обыкновенію лошадямъ овса на ночь, похлопалъ одну изъ нихъ по шеѣ и, скаля свои ровные бѣлые зубы, сказалъ:

— Что сабачья мяса!.. ѣшь, ѣшь... Завтра въ похода... а твоя, вислаухай, чаво слушаить?...—обратился онъ въ сосѣднее стоило къ насторожившемуся ослику.—И тебе возьмемъ. Въ паходъ будешь... Авось, какой нѣмчура ревамъ сваимъ испугъ будить.

Цыганъ вышелъ и заперъ конюшню на замокъ.

Первую ночь за все время не было въ конюшнѣ дежурнаго.

Молчаливо поникнувъ надъ яслями, осликъ долго прислушивался къ происходившему за стѣной конюшни.

Подобно разоренному улью, волновались и гудѣли солдатскія казармы. Онъ снѣ никто не думалъ—не до сна было. Въ грубоватыхъ хриплыхъ голосахъ

солдаты, въ топотѣ ихъ ногъ, въ стукѣ выкатываемыхъ изъ сараевъ обозныхъ телѣгъ и повозокъ слышалась какая-то непривычная озабоченность, тревога и спѣшка. Тревожное состояніе это невольно передавалось ослику. Онъ не могъ ѣсть—овесъ почему-то казался слишкомъ жесткимъ. Онъ просовывалъ между балясинами морду въ смежное стойло къ степенной крупной лошади «Павѣ» и тихо мычалъ въ полумракѣ чуть мерцавшаго фонаря, какъ-бы спрашивая у сосѣдки, что бы все это могло значить. Лошадь, съ достоинствомъ покосившись на ослика, фыркнувъ, переступала съ ноги на ногу и снова принималась жевать. Осликъ попробовалъ лечь, но пріятный остро-сладкавый запахъ навоза, такъ бывало располагавшій ко сну, отдавался теперь во всемъ тѣлѣ какой-то непонятной тягучей истомой, точно на него натянули тугой брезентовый мѣшокъ.

Незамѣтно разсвѣло. Сквозь дверную щель солнце просунуло въ конюшню длинную золотую стрѣлу свѣта. Гдѣ-то звонко кричали пѣтухи.

Полковой священникъ отслужилъ молебенъ, солдаты проорали «ура», и полкъ, вытянувшись со своимъ обозомъ и походными кухнями чуть не на версту, съ музыкой двинулся по направленію къ станціи.

Переѣздъ по желѣзной дорогѣ; высадка въ незнакомомъ, переполненномъ войсками городѣ; совершенно новыя условія жизни—сильно отразились на осликѣ. Онъ похудѣлъ, сѣрая шерсть его повисла клочьями, глаза слезились; вообще, видъ былъ у него очень неважный. Шагая съ понуренной головой за обозомъ, осликъ все ждалъ, когда же, наконецъ, остановятся эти зеленые нагруженные солдатской аммуниціей глубокіе ящики на колесахъ. Но ящики, поскрипывая колесами и подымая пыль, ѣхали и ѣхали себѣ, то сворачивая съ дороги зачѣмъ-то въ сторону, то пятясь назадъ, то на самое короткое (къ досадѣ ослика) время останавливаясь гдѣ-нибудь въ оврагѣ. Полкъ ослика числился въ резервѣ.

Была осень.

Желтые и оранжевые листья, поднятые невидимой метлой вѣтра, съ печальнымъ шорохомъ перекатывались черезъ дорогу. Небо весь день загромождали огромные тюки тяжелыхъ сѣрыхъ тучъ, наводившихъ и на людей и на животныхъ безпричинную тоску.

Потомъ полились дожди.

Дорога превратилась въ противный жидкій кисель, отъ малѣйшаго движенія ноги брызгавшійся во всѣ стороны. А ящики-телѣги все двигались дальше. По сторонамъ дороги, обгоняя обозъ, шли войска. Шли днемъ, шли вечеромъ и ночью. Казалось, этимъ озябшимъ, въ захлюстанныхъ шинеляхъ, съ винтовками за плечами людямъ нѣтъ счета.

Цыганъ-обозный, сидя на козлахъ, чтобы разогнать грусть, по старой привычкѣ затягивалъ иногда пѣсню.

Развѣсивъ уши, полузакрывъ безбровые, круглые глаза, осликъ вперевалку шагаль по грязи рядомъ съ «Павой» и подъ звукъ цыгановой пѣсни въ полудремотѣ воображалъ, что ѣдутъ они домой, къ казармамъ. Розовыя ноздри его какъ будто уже чуяли пріятный теплый запахъ знакомой конюшни.

— Но-но! сабачья мяса!—покрикивалъ на «Паву» цыганъ, сплевывая сквозь зубы.

Умная лошадь, боязливо косясь назадъ, поводила тонкими будто вырѣзанными изъ картона ушами, и дружиѣ влѣзала въ хомуть. За ней и пристяжка тоже натягивала постромки.

— Бойся, землякъ, тебя скотина-то,—шутили попутные солдаты.— Правду говорят, что вы, цыгане и татары, потъ лошадей пьете, чтобы скотина васъ боялась?

— Шагай, шагай! Твая дѣла шагай, моя дѣла—яздай,—насупивъ брови, сурово отвѣчалъ скупой на слова цыганъ. Потомъ, отворачивая полу шинели, доставалъ изъ кармана кисеть и закуривалъ.

Дымъ отъ махорки очень не нравился ослику. Онъ старался перебѣжать на ту сторону, откуда былъ вѣтеръ.

Однажды вечеромъ во время стоянки гдѣ-то около границы къ сидѣвшимъ у костра обознымъ солдатамъ подошелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, шустрый, остроглазый, въ солдатской шинели, фуфайкѣ защитнаго цвѣта и сапогахъ съ чужой ноги: ноги мальчугана ерзали въ этихъ сапогахъ, какъ толкачъ въ ступѣ.

— Дяденька, мнѣ можно съ вами?—бойко спросилъ мальчуганъ у каптенармуса.

— Ты откуда, пострѣль?—замедливъ въ котелкѣ съ кашей ложку, вскинулъ на него глаза пожилой сверхсрочный служака.

— Изъ-подъ Тулы я. Деревня Грибановка прозывается. Може слыжали?.. Я за папашей убѣгъ... Да ужъ дуже войсковъ много—никакъ папашу не найду... Я все буду дѣлать, что велите...

При свѣтѣ костра солдаты съ любопытствомъ смотрѣли на бойкаго мальчугана. Они ждали, что скажетъ каптенармусъ.

Каптенармусъ положилъ руку на плечо мальчика и долго молча всматривался въ него, точно о чемъ-то напряженно вспоминая; потомъ покачалъ сѣдьющей головой, вздохнулъ и сказалъ, улыбаясь въ усы:

— Что-жь, валяй. Богъ съ тобой. Все равно домой тебя и съ собаками теperича не угонишь. У меня у самого такой хватъ есть. Семеномъ зовутъ. А тебя какъ?

— Миколкой.

— Миколай, значить. Ни кола, ни двора, ни гусянаго пера. Что тарачишь глаза,—ничего—это поговорка такая. Ну, присаживайся къ котлу, набивай чемоданъ. Ложка-то есть, что-ли?

Миколка важно, какъ большой, молча вытащилъ изъ-за голенища круглую деревянную ложку и, присѣвъ между солдатами на корточки, принялся уписывать кашу съ саломъ.

— Дяденька, а это что?—спросилъ Миколка, увидя рядомъ съ лошадьми жевавшего сѣно ослика.

— Диковина заморская. Осель. Такая умная голова—куда твой нѣмецъ годится.

— Осель. Ишь ты, вонъ онъ какой. Я въ басняхъ Крылова читалъ про осла. А онъ не кусается?

— Поди спытай.

Миколка былъ не изъ трусливыхъ, да и мало развѣ онъ видаль у себя въ деревнѣ лошадей? Положимъ, у тѣхъ не такія длинныя уши, однако, уши—не рога, ничего ими осель сдѣлать не можетъ. Нахлобучивъ покрѣпче фуражку, Миколка смѣло подошелъ къ ослику.

— Тпру...у... Ишь ты какой!.. Дяденька, а ѣздить на немъ можно?—спросилъ Миколка, все еще съ опаской поглаживая ослика по сѣрой мягкой шеѣ.

— Спытай,—повторилъ то же самое слово каптенармусъ.
«Спытанье» кончилось тѣмъ, что наутро Миколка важно ѣхалъ на осликѣ верхомъ, безконечно забавляя своимъ видомъ солдатъ.

— Вотъ такъ кавалерія...

— Глядай, Миколка—умчить прямо къ нѣмцу...

— И вожжей не надо, держись прямо за уши...—слышалось въ обозѣ среди продрогшихъ, но повеселѣвшихъ при видѣ этого потѣшнаго всадника, солдатъ.

Миколка не обращалъ вниманія на шутки. Сѣдло, которое досталъ для него откуда-то добрый дядя-каптенармусъ, стремяна и, въ особенности, эта своеобразная съ длинными пушистыми ушами лошадка доставляли Миколкѣ огромное удовольствіе. Онъ важно подбоченивался, подражая обозному командиру, и то-и-дѣло давалъ «шпоры» своему неторопливому скакуну.

Осликъ, къ удивленію цыгана-обознаго, безпрекословно подчинился новой роли, хотя раньше, когда принадлежалъ татарину, кромѣ мѣшковъ съ мукой, ничего на своей спинѣ не носилъ. Миколка сразу понравился ослику. Мальчуганъ такъ пріятно умѣлъ чесать подъ брюхомъ и за ушами, когда останавливались на краткій отдыхъ. Миколка самъ не ѣлъ,—скорѣй спѣшилъ достать ослику овса или сѣна, и еще въ голубыхъ дѣтскихъ глазахъ Миколки былъ какая-то особенная нѣжность и доброта. У цыгана и прочихъ солдатъ осликъ никогда такого выраженія глазъ не видѣлъ.

«Вотъ только-бы конюшня,—думалось длинноухому миколкину другу, шагавшему по липкой глубокой грязи,—и все было-бы хорошо».

Ночью во время привала, когда, по мнѣнію ослика, нужно было жевать овесъ или, сомкнувши глаза и опустивъ уши, полудремавать надъ брезентовымъ ведеркомъ,—мальчуганъ, лежа на краю телѣги, зачѣмъ-то обнималъ его за шею и долго говорилъ что-то жалостливое и непонятное.

— Лошадка моя, лошадка,—шептала Миколка.—Знаешь-ли ты, что у насъ въ Грибановкѣ теперь всѣ уже спятъ: и дѣды спать, и бабка, и чалый спать... Мамка только не спитъ... Все меня ждетъ... Я знаю—она не спитъ, она ждетъ, сидитъ подъ окошкомъ и плачетъ...

Осликъ, недоумѣвая, поматывалъ хвостомъ, а Миколка мечтательно продолжалъ:

— У мамки глаза, какъ звѣздочки, и она умѣетъ играть такія протяжныя старинчатыя пѣсни... Моя мамка лучше всѣхъ...

Вдали отъ родного села, въ темномъ осеннемъ полѣ, среди военного лагеря покинутая мать казалась Миколкѣ далекимъ свѣтлымъ ангеломъ. Ему до слезъ становилось жалко ее и хотѣлось убѣжать домой. Но что-то удерживало. Онъ крѣпче обнималъ шею ослика и засыпалъ на краю телѣги, прикрывшись холоднымъ негнущимся брезентомъ.

Звукъ отдаленнаго гыстрѣла или громкій ревъ продрогшаго ослика вскорѣ будили его.

Какъ-то въ веселую минуту обозный командиръ, у котораго былъ «Юдакъ», сфотографировалъ Миколку вмѣстѣ съ осликомъ. Радость мальчика была неописуема.

— Подожди, Миколка,—сказалъ командиръ,—вотъ какъ-нибудь на свободѣ, когда поразгонимъ малость нѣмцевъ, я проявлю и отпечатаю твой портретъ. Пошлешь домой въ деревню. Мать, небось, есть?

— Есть,—отвѣчалъ, весь зардѣвшись, Миколка. Потомъ спохватился, приложилъ руку къ козырьку и, подтянувшись, какъ подобаеетъ настоящему солдату, громко выпалилъ:—Радъ стараться. Покорнище благодаримъ, вашбродь...

Войска, увлекаемая непріятельскими войсками, какъ вода за башмакомъ насоса, все глубже и глубже втягивались во враждебную территорію. Польскія живописныя деревеньки со своими островерхими, крытыми цвѣтной черепицей, костелами смѣнились скучными однообразными нѣмецкими городками, похожими одинъ на другой, какъ спичечныя коробки. Куда ни проходили войска, всюду было пусто. Жители въ страхѣ и ненависти бѣжали, побросавъ насиженные очаги. Бѣгство было столь поспѣшно, что во многихъ домахъ солдаты находили на столѣ горячій кофе или завтракъ.

Миколка съ любопытствомъ осматривалъ чистенькіе нѣмецкіе домики и сараи и все допытывался у каптенармуса, что это за штука: бетонъ. Миколка то сидѣлъ на осликѣ верхомъ, то велъ его въ поводу. Осликъ послушно слѣдовалъ за мальчуганомъ.

На другой день не успѣли еще ѣздовые напоить лошадей, какъ откуда-то изъ-за лѣса въ занимаемое обозомъ мѣстечко посыпались снаряды. Поднялась тревога. Командиръ отдалъ распоряженіе немедленно отступить.

Быль вечеръ. Въ поляхъ уже примеркло. На западѣ сквозь темно-сизые бугры тучъ едва пробивался желтый, какъ лимонъ, закатъ. Вскорѣ онъ погасъ.

Грохоча по мостовой колесами, одна за другой начали выѣзжать изъ мѣстечка телѣги. Ѣздовые, крича и нахлестывая лошадей, поминутно кланялись на козлахъ, испуганные низко пролетавшими снарядами.

Миколка, забывъ страхъ, искалъ любимаго ослика.

Въ суматохѣ осликъ рванулся изъ рукъ Миколки, ведшаго его въ поводу, заревѣлъ, метнулся куда-то въ сторону и—пропалъ. Миколка туда, сюда—осликъ словно въ воду канулъ. Встрѣченные солдаты на вопросъ Миколки: «не попадался-ли имъ осликъ?»—отвѣчали: «нѣтъ». Нѣкоторые ругались, самого мальчугана называя осломъ.

Между тѣмъ непріятель, пристрѣлявшись, все чаще и чаще попадалъ въ цѣль. На улицахъ мѣстечка тамъ и тутъ при мгновенномъ блескѣ разрывавшихся снарядовъ Миколка видѣлъ падавшихъ убитыхъ и раненыхъ солдатъ. Вотъ звѣздообразный клочъ огня выхватилъ изъ сумрака ужасную съ оторванной передней ногой фигуру лошади. Миколка узналъ красавицу «Паву». Черезъ мгновеніе въ густой, какъ зола, темнотѣ послышалось короткое грузное паденіе конскаго тѣла. Злой, захлебывающійся голосъ цыгана прохрипѣлъ съ невидимыхъ въ темнотѣ козелъ:

— Ахъ, дьяволь! Сшибаль-таки! Чтобъ тебѣ подавитца тухлай капуста!..

...Осликъ ни за что на свѣтѣ не убѣжалъ-бы отъ своего друга, если-бы въ то время, когда Миколка велъ его въ поводу, не случилось на пути какой-то конюшни. Сладковатый запахъ теплаго душистаго навоза, повѣявшій откуда-то сбоку, погубилъ ослика.

Вырвавшись изъ Миколкиныхъ рукъ, осликъ сейчасъ-же отыскалъ по запаху конюшню и вошелъ туда. Конюшня была пуста. Навстрѣчу ослику только кто-то кагакнулъ изъ-подъ яслей и опять затихъ. Это былъ зашибленный, какимъ-то чудомъ спасшійся отъ солдатскаго ножа, большой откормленный гусь. Обнюхавъ вокругъ себя, осликъ нашель, что тутъ совсѣмъ хорошо: тепло, тихо

и въ ясляхъ, къ тому-же, цѣлая охапка сѣна. Какой-то смутный образъ всталъ на минуту передъ осликомъ: зеленая фуражка, свѣтло-голубые дѣтскіе глаза, маленькая обвѣтренная рука, протянутая къ поводу,—всталъ и погасъ этотъ образъ, какъ, бывало, гасла спичка въ рукахъ закуривавшаго цыгана. Не обращая вниманія на грохотъ и трескъ рвущихся снарядовъ, осликъ уткнулся мордой въ ясли и съ аппетитомъ принялся за ѣду...

...Снарядъ какъ разъ разорвался въ то мгновеніе, когда отчаявшійся Миколка пробѣгалъ мимо воротъ конюшни.

— Вотъ ты гдѣ!.. Ага!..—закричалъ радостно Миколка, увидавъ ушастаго друга.—Пойдемъ, братъ...

Мальчуганъ ухватилъ ослика за поводъ и потащилъ. Но осликъ заупрямился. Онъ, видимо, твердо рѣшилъ не уходить изъ конюшни, находя, что лучше Миколкѣ остаться здѣсь, чѣмъ имъ вдвоемъ снова идти подъ дождь, холодъ и выстрѣлы. Онъ, какъ уперся копытами въ землю, такъ словно приросъ къ ней.

— Ну, осликъ! Ну, пойдемъ, милый!.. Нѣмцы близко, наши уходятъ... Пойдемъ...—умолялъ Миколка, то глядя ослика по мордѣ, то цѣлуя его, то, наконецъ, досадливо подталкивая кулаками подъ бокъ.

Осликъ не двигался.

Миколка вспомнилъ, какъ у нихъ на деревнѣ во время пожара выводять изъ огня испуганныхъ лошадей. Онъ сгрѣбъ въ темнотѣ охапку навоза и поднесъ ее ощупью къ мордѣ ослика, думая, что осликъ теперь непременно пойдетъ за нимъ. Но осликъ только моталъ головой и фыркалъ.

— Фу-ты!.. навозъ-то нѣмецкій!.. Если-бы хоть крохотный кусочекъ русскаго!.. На русскій навозъ онъ пошелъ-бы!..—воскликнулъ въ отчаяніи Миколка.

Онъ рѣшилъ испробовать послѣднее, пришедшее ему въ голову, средство: ухватилъ ослика за хвостъ и рѣшительно потянулъ.

Отъ сильнѣйшаго удара копытами Миколка кубаремъ вылетѣлъ изъ конюшни. А когда, опаматовавшись, придерживая рукой ушибленный бокъ, поднялся онъ съ земли, конюшня, зажженная попавшимъ въ нее снарядомъ, ярко пылала.

Изъ пламени послышались пронзительный ревъ и гоготанье. Миколка съ минуту колебался, но, вспомнивъ отца, котораго еще не нашель, деревню, мать, своего чалаго,—махнулъ рукой и побѣжалъ.

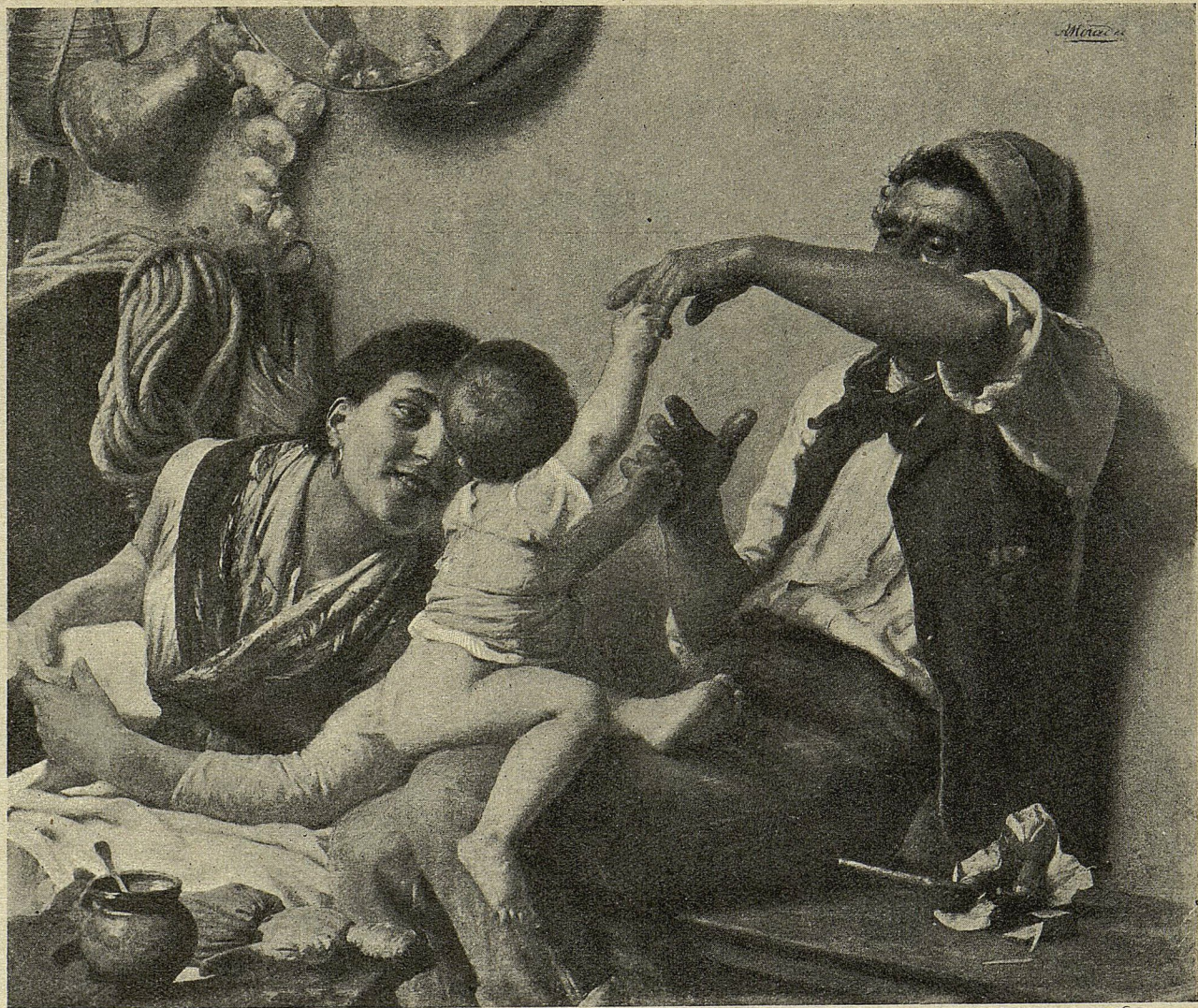
При заревѣ разгоравшагося пожара совсѣмъ уже близко были видны наступающія нѣмецкія колонны. Миколка, стараясь быть незамѣченнымъ, пригнулся къ землѣ, шмыгнулъ за какой-то многооконный домъ, а тамъ черезъ садъ—дальше въ поле. И спустя часа-полтора, весь мокрый, едва дыша отъ усталости, догналъ свой обозъ.

Погибшій осликъ, самъ того не зная, спасъ Миколкѣ его маленькую кому-то бесконечно дорогую жизнь.

Алексѣй Литвицкій.

БУЙНАЯ ГОЛОВУШКА.

„Большой ученый“.

Старый, заслуженный морякъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, сидя въ кругу молодежи, которую очень любилъ, и веселилъ ее разными анекдотами и рассказами изъ своей богатой приключеніями жизни, изъ прошлыхъ лѣтъ.

— Вотъ вы рассказали намъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ гимназисту,— о замѣчательномъ лѣнтяѣ изъ вашихъ товарищей... Это что! А у меня, когда я воспитывался въ морскомъ корпусѣ, былъ товарищъ получше вашего! Мы называли его «большимъ ученымъ», потому что онъ поражалъ насъ своими знаніями особеннаго рода: утверждалъ, напримѣръ, что при совершенно ясномъ небѣ бываетъ дождь изъ облаковъ и тогда находятъ куски ихъ, похожіе на куски студня, что есть дерево, которое сгибается своимъ стволомъ пополамъ, а потомъ разгибается, что въ жаркихъ странахъ есть мѣста, гдѣ нѣтъ ни людей, ни животныхъ и существуютъ только пауки, комары и блохи, отъ укуса которыхъ издыхаетъ даже птица, если нечаянно залетитъ въ эти мѣста. Совершенно случайно и черезъ пятое-десятое прочитавъ приключенія извѣстнаго вряля Мюнхгаузена, онъ твердо вѣрилъ въ существованіе великановъ и карликовъ, какъ особой породы людей. Подобными знаніями онъ хвастался. Пришлось ему вытвердить названія сибирскихъ рѣкъ, которыя одинъ шутникъ кадетъ переложилъ въ стихи:

Тазъ, Енисей—
Класный сторожъ Евсей,
Лена, Яна, Индыгирка—
А на картѣ нашей дырка!..

Вызубривъ эти четыре строки, онъ качнулъ ихъ, во всей неприкосновенности, и на экзаменѣ изъ географіи—и, разумѣется, произвелъ своеобразный эффектъ. Экзаменаторы не могли удержаться отъ смѣха. А когда онъ спросилъ, не можетъ ли онъ перечислить рѣки безъ «сторожа Евсей» и безъ «дырки на картѣ», онъ объявилъ, что «это очень трудно, что онъ *старался* учить названія рѣкъ и *такъ* ужъ и заучилъ».

Чтобы не учить уроковъ, онъ додумался до геніальной выдумки: вырывалъ листы изъ своихъ учебныхъ книгъ и, когда учителя начинали его спрашивать урокъ, онъ отвѣчалъ имъ, что въ его книгѣ «этого нѣтъ» и потому урока не выучилъ. Требовали показать книгу и удостовѣрялись въ справедливости сказаннаго лѣнивцемъ и тупицей. Ему удалось обмануть нѣсколькихъ учителей, а потомъ отсутствіе нѣкоторыхъ страницъ въ учебникахъ разъяснилось, и Феоду Трефандоса—такъ звали кадета—посадили въ карцеръ на нѣсколько дней. Для отвиливанія отъ уроковъ онъ выдумывалъ себѣ разныя болѣзни. Сперва вѣрили ему, а затѣмъ выгоняли болѣзнь тѣмъ же карцеромъ.

— Какую бы мнѣ особенную болѣзнь выдумать?—простоудшно спросилъ онъ у фельдшера, къ которому почему-то почувствовалъ довѣріе.

Фельдшеръ, большой весельчакъ, и научилъ Феоду:

— Вы скажите, что у васъ тошнота подъ ногтями и опухли волосы. Это, скажите, опасная болѣзнь и по-латыни называется «фабрисъ притворялись»... Такъ прямо и скажите!

Феодя на другой день сказался больнымъ:

— Позвольте мнѣ въ лазаретъ, поскорѣе лечь!—просилъ онъ дежурнаго офицера, привыкшаго къ Феодинымъ болѣзнямъ.

— Чѣмъ же вы больны?—спросилъ офицеръ.

— Я могу это сказать по секрету, только инспектору!

Офицеръ даже перетрусилъ. Не заразной ли какой-нибудь болѣзнью захвораль Трефандосъ—и поспѣшилъ доложить инспектору.

— Что у тебя опять?—спросилъ тотъ.

Федея, записавшій на бумажку наставленіе фельдшера и выдолбившій записъ, безъ запинки, залпомъ выпалилъ:

— У меня тошнота подъ ногтями и опухли волосы. Это опасная болѣзнь и по-латыни называется фабрисъ притворялись!

Инспекторъ сказалъ ему добродушно:

— Кто васъ научилъ, скажите тому, что онъ осель, а сами велите дежурному посадить васъ на хлѣбъ и на воду!

Однажды въ классъ исторіи зашелъ самъ директоръ и поинтересовался знаніями Федеи, наслышавшись о немъ отъ учителей.

— Расскажите мнѣ что-нибудь о Лютерѣ!—спросилъ онъ Федею.

И тотъ по своему обыкновенію не лѣзь за словомъ въ карманъ, безъ запинки и скороговоркой, своимъ баскомъ, отрапортовалъ:

— Лютеръ былъ хотя и нѣмецъ, но храбрый человѣкъ. Онъ не вѣровалъ ни въ Бога, ни въ чорта.

Директоръ самолично взялъ за ухо Федею и повелъ его для «сѣкуціи», какъ называли кадеты это глупое наказаніе.

Въ другой разъ директоръ на томъ же урокъ исторіи присѣлъ около Федеи и наблюдалъ, съ какимъ вниманіемъ слушаетъ Федея рассказъ преподавателя о «желѣзной маскѣ»—объ этой исторической загадкѣ. Когда преподаватель кончилъ, директоръ спросилъ Федею, сидѣвшаго съ открытымъ ртомъ:

— А какъ вы думаете, кто же такой былъ этотъ челоѣкъ въ желѣзной маскѣ? Вѣдь, вы «большой ученый»!

— Я,—плаксивымъ голосомъ отвѣчалъ Федея,—зналъ это очень хорошо еще вчера, но забылъ, потому что у меня болитъ голова... Я въ слѣдующій разъ вспомню...

— Вспомните, вспомните!.. Вы тогда подарите историческую науку великимъ открытіемъ!—иронизировалъ директоръ.—А пока вы потрудитесь сказать—что у двуглаваго орла въ лапахъ.

Федея молчалъ, а товарищи стали чуть слышно подсказывать:

— Скипетръ, скипетръ!

Федея обрадовался и пробасилъ:

— Скрипка!

— Ну, разумѣется! И коль скоро въ одной лапѣ скрипка, то въ другой долженъ быть—смычокъ? Не такъ ли?

Товарищи опять подсказывали:—Корона! корона!

И вновь обрадованный Федея выпалилъ:

— Ворона!

— Вотъ какъ!—сказалъ директоръ.—Что вы еще знаете хотя бы изъ исторіи?

— Много знаю!—отвѣтилъ не безъ гордости Федея и залпомъ понесъ:—«Семирамида была дама хитрая и предприимчивая. Она украсила воздухъ висячими садами, гдѣ вавилонскіе солдаты воевали съ римлянами и побѣдили ихъ, и, кромѣ того, Семирамида по приказанію Давида отрубила голову Голиафу!»

Директоръ былъ изумленъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ...

— Таковъ былъ,—сказалъ въ заключеніе старый морякъ,—«большой ученый» нашего корпуса... Онъ никогда не задумывался надъ своими отвѣтами...

П. Быковъ.

Изъ жизни растений.

Люди, которые съ любовью стали изучать растенія и наблюдать ихъ жизнь, пришли къ заключенію, что растеніе—такое же одушевленное существо, какъ и животное; оно имѣетъ свои привычки, свой характеръ и даже, какъ утверждаютъ почитатели растений,—разумъ.

Растеніе, какъ извѣстно, устроено гораздо проще животныхъ; тѣмъ не менѣе, оно живетъ, растетъ, поглощаетъ пищу и влагу изъ земли своими корнями, оставаясь неподвижно на мѣстѣ, между тѣмъ, какъ животныя двигаются за пищу. Но не всегда растенія довольствуются тою пищею, которую даетъ имъ земля, они ищутъ лучшую. Такъ, большія каштановыя деревья, растущія на горѣ Этнѣ, въ Сициліи, умѣютъ находить русло источниковъ, несмотря на толстые слои лавы и камня.

Отыскавъ лучшую почву, растеніе не прочь и совсѣмъ переселиться на нее изъ своего стараго помѣщенія. Въ развалинахъ «Новаго Аббатства», въ Англии, на одной изъ стѣнъ росъ клень. Отъ недостатка простора и пищи клень спустилъ одинъ корень по стѣнѣ и утвердился въ почвѣ. Когда первый корень достаточно укрѣпился въ почвѣ, клень такимъ же образомъ спустилъ и другіе корни, а затѣмъ совершенно отдѣлился отъ стѣны и сталъ расти на землѣ.

Смородинный кустъ, росшій на истощенной почвѣ, приблизилъ одну вѣтку къ землѣ, болѣе плодородной. Эта вѣтка пустила корни и начала сама превращаться въ кустъ, между тѣмъ какъ первоначальный стволъ мало-по-малу совершенно исчезъ съ того мѣста, гдѣ росъ.

На берегахъ озера Комо, въ Швейцаріи, можно замѣтить корни, которые спустили со скалъ растущія на нихъ деревья; корни проникаютъ глубоко въ землю и переходятъ въ новые стволы, между тѣмъ какъ прежніе погибаютъ. Еще разсудительнѣе оказалось гранатное дерево на маленькомъ островѣ св. Фомы, въ Антильскомъ архипелагѣ. Оно расло тамъ на одной скалѣ близъ стѣны, которая отчасти застилала ему свѣтъ. Въ первые годы дерево расло чрезвычайно быстро, какъ бы стараясь подняться выше стѣны, заслоняющей ему свѣтъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ оно возвышалось уже надъ стѣною и имѣло видъ и форму тополя. Корни его обхватывали весь утесъ и проникали въ каждую скважину. Тѣмъ не менѣе, однако, пищи для взрослога дерева уже оказывалось на скалѣ недостаточно: оно наклонилось въ одну сторону; опустившіеся и поблѣднѣвшіе его листья какъ бы выражали страданіе. Въ это-то время, когда дерево, повидимому, должно было погибнуть, оно начало спускаться по скалѣ сильный корень, который, достигнувъ плодородной земли, скоро проникъ въ нее, проложивъ себѣ дорогу между мелкими растеніями, густо покрывавшую площадку. За первымъ корнемъ послѣдовали и другіе, такъ что скоро растеніе перешло жить со скалы на землю, изъ чего можно видѣть, что и растенія сознаютъ, гдѣ они найдутъ болѣе обильную пищу.

Любовь къ свѣту чловѣка очень велика; но едва ли она не сильнѣе въ растеніяхъ.

Бывали примѣры, что картофель, зародившійся въ погребѣ, подымался до двадцати пяти футовъ надъ землею, чтобы достигнуть единственнаго отверстія, посредствомъ котораго свѣтъ проходилъ въ подваль.

Растенія, живущія въ подземельяхъ, тянутся, обыкновенно, къ свѣту по прямой линіи; и когда онѣ не въ состояніи иногда поддержать гигантскій стебель, часто превышающій свою естественную высоту въ 7—8 разъ, то пускаютъ его по землѣ, и онъ тянется по ней до тѣхъ поръ, пока не доберется до стѣны, въ которой есть отдушина. Тутъ, опираясь на стѣну, стебель снова поднимается вверхъ къ свѣту.

Чрезвычайно интересенъ опытъ ученаго Мюстеля. Однажды онъ заслонилъ горшокъ съ жасминомъ отъ солнца небольшою доскою, въ которой продѣлалъ много отверстій, каждое величиною два дюйма въ діаметрѣ и на разстояніи шести

дюймовъ одно отъ другого. Жасминъ тотчасъ же измѣнили направленіе своего стебля и двинулся къ свѣту, пройдя черезъ ближайшее отверстіе. Мюстель немедленно и жасминъ и доску привелъ въ обратное положеніе, такъ что стебель, который проникъ черезъ отверстіе, очутился въ тѣни; но растеніе снова вырвалось на свѣтъ, пройдя черезъ второе отверстіе.

Мюстель повторилъ нѣсколько разъ этотъ опытъ, и стебель проникъ сквозь всѣ скважины, обвивъ зигзагами обѣ стороны доски.

Растенія, такъ же, какъ и люди, часто бываютъ различны по характеру, наружности и привычкамъ даже и тогда, когда они принадлежатъ къ одному виду и растутъ въ однѣхъ и тѣхъ же условіяхъ климата и почвы.

Такъ, на примѣръ, два зерна одного и того же яблока были посажены на одной и той же почвѣ, одинаково поливались водою и за обоими ими былъ одинъ и тотъ же уходъ. Они пустили ростки въ одно время и, наконецъ, сдѣлались прекрасными деревьями. Но одна яблоня, какъ бы желая перерасти другую, начала раздвояться очень рано и недалеко отъ земли. Цвѣты и плоды во всѣ годы появлялись на ней ранѣе, чѣмъ на другой; вѣтви и листья были гуще.

Въ Тюльерійскомъ саду, въ Парижѣ, растетъ нѣсколько сотъ каштановыхъ деревьевъ на одинаковой почвѣ, окруженныя одинаковыми попеченіями. Тѣмъ не менѣе, между этими каштанами есть одинъ, который пробуждается къ жизни за много недѣль прежде своихъ собратьевъ. У растеній, такъ же, какъ и у людей, мѣняется характеръ. Такъ, въ ботаническомъ саду въ Парижѣ была одна агава, которая болѣе столѣтія расла тамъ необыкновенно медленно; вдругъ, безъ всякой видимой причины, она начала въ 1793 г. подыматься съ такою быстротою, что выростала болѣе, чѣмъ по одному футу въ день.

Чувствительныя къ теплу и холоду, влажности и сухости воздуха, растенія часто сообразно этому измѣняютъ направленіе своихъ стеблей, листьевъ и цвѣтовъ.

Растенія поворачиваютъ къ свѣту свои листья и цвѣты.

Подсолнечникъ, какъ всѣмъ извѣстно, постоянно обращенъ къ солнцу. Кромѣ него и большое число полевыхъ растеній слѣдуетъ также за теченіемъ солнца. Когда вечеромъ мы выйдемъ на лугъ такъ, чтобы приходилось смотрѣть на западъ, то увидимъ очень мало цвѣтовъ, потому что всѣ они обращены къ заходящему солнцу; напротивъ того, входя туда съ противоположной стороны, мы замѣтимъ, что лугъ блеститъ тысячами цвѣтовъ. Равнымъ образомъ, когда рано утромъ мы выйдемъ на лугъ, смотря на западъ, то сперва не замѣтимъ тамъ ни одного цвѣтка, потому что всѣ они остались обращенными въ ту сторону, гдѣ зашло солнце; но мы увидимъ, что они будутъ поворачиваться къ востоку по мѣрѣ того, какъ солнце станетъ подыматься на горизонтъ.

Многія растенія ночью принимаютъ совсѣмъ иной видъ, чѣмъ днемъ. Надо полагать, что они тоже спятъ или отдыхаютъ. Вьющіяся растенія поднимаютъ листья во время сна такъ, что верхними сторонами своими они плотно соединяются одинъ съ другимъ, прикрывая такимъ образомъ молодые отрпыски. Другія растенія, напр., дикій бальзаминъ (не тронь меня), опускаютъ свои листья сводомъ надъ цвѣтами. Значительное большинство спящихъ растеній закрываетъ цвѣты передъ сномъ, чтобы защитить находящуюся въ нихъ драгоценную цвѣточную пыль отъ вреднаго вліянія ночной росы.

Есть растенія, которыя открываютъ цвѣты днемъ и закрываютъ при закатѣ солнца; слѣдовательно, эти растенія спятъ осенью больше, нежели лѣтомъ. Напротивъ того, другія растенія засыпаютъ и просыпаются, открываютъ и закрываютъ свои цвѣты всегда въ одинъ и тотъ же часъ, не считаясь съ временемъ года.

Растенія могутъ, подобно намъ, и *привыкать* къ тому или другому. Большое количество растеній помѣстили въ погребъ, который оставался темнымъ во время дня и освѣщался множествомъ лампъ ночью. Въ снѣ этихъ растеній произошло сперва нѣкоторое замѣшательство. Они закрывали и открывали свои листья и цвѣтки неправильно; но черезъ нѣсколько дней уже привыкли къ своему новому положенію и измѣнили порядокъ сна, т.-е. засыпали утромъ и пробуждались ночью—при ламповомъ освѣщеніи.

К. Веберъ.

Отчего необходимо мыться и купаться?

Если бы намъ удалось достать гдѣ-нибудь кусокъ человѣческой кожи и разсмотрѣть ее подъ увеличительнымъ стекломъ, то мы замѣтили бы, что она какъ-бы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ слоевъ, лежащихъ другъ на другѣ: изъ верхней или кожицы, средней или кожи и нижней или жира.

Верхній слой кожи или кожица служитъ только для защиты средняго слоя кожи, такъ какъ она собственно очень чувствительна ко всякому прикосновенію. Поэтому кожица бываетъ различной толщины, смотря по тому, какія части тѣла она покрываетъ. Тѣ части тѣла, которыми намъ особенно часто приходится работать, на которыя приходится ступать и т. д., такія части покрыты особенно толстой кожицей, болѣе грубой, чѣмъ кожица, покрывающая другія части тѣла; такъ, напримѣръ, подошвы, на которыя упирается все тѣло во время ходьбы или стоянія, покрыты очень грубой кожицей, тогда какъ эта же кожица на плечахъ, на лицѣ и т. д. очень нѣжна и тонка. У сельскихъ жителей, которые ходятъ босикомъ, кожица на ногахъ еще грубѣе, чѣмъ у жителей городскихъ, потому что послѣдніе носятъ на ногахъ различную обувь и этимъ предохраняютъ ихъ отъ прикосновенія съ твердыми тѣлами. Точно такъ же у мастеровыхъ, у ремесленниковъ и пр. кожица на рукахъ гораздо грубѣе, чѣмъ у другихъ не чернорабочихъ.

Цвѣтъ кожи зависитъ отъ цвѣта кожицы. Такъ что мѣдный цвѣтъ азіата, черный африканца, красный индѣйца и пр. зависитъ только отъ кожицы, что можно доказать уже тѣмъ, что ученые, которые снимали эту кожицу съ труповъ всевозможныхъ племенъ, всегда находили, что кожа у всѣхъ имѣетъ одинаковый красноватый цвѣтъ.

Нижній жирный слой служитъ главнымъ образомъ для защиты тѣла отъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду и отъ холода къ теплу, которыя части случаются въ окружающемъ воздухѣ, такъ какъ жиръ вообще плохо пропускаетъ тепло, вслѣдствіе чего онъ, съ одной стороны, не выпускаетъ изъ тѣла развивающуюся теплоту, а, съ другой стороны, ослабляетъ вліяніе внѣшняго холода. Кромѣ того, жиръ этотъ служитъ какъ-бы мягкой подушкой или подстилкой для верхнихъ слоевъ кожи, отчего случайные толчки менѣе чувствительны для насъ.

Теперь перейдемъ къ основному среднему слою. Слой, лежащій между верхнимъ и нижнимъ, и есть собственно кожа,—тотъ слой, съ которымъ мы теперь постараемся ознакомиться поближе.

Кожа состоитъ изъ тонкихъ волоконъ, которыя, подобно резинкѣ, могутъ растягиваться и снова сжиматься. Въ верхней части слоя множество бугорковъ, называемыхъ сосочками. Благодаря имъ, мы отличаемъ различныя ощущенія тепла и холода, давленія, прикосновенія и т. д. Тамъ, гдѣ кожа обладаетъ наиболѣе тонкимъ осязаніемъ, какъ, напр., на концахъ пальцевъ, сосочки эти наиболѣе многочисленны.

Изъ середины средняго слоя вверхъ поднимаются продолговатые развѣтвляющіеся мѣшечки, это такъ-называемыя сальные железы. Эти сальные железы находятся всюду, гдѣ только кожа покрыта волосами; внутри ихъ развивается жиръ, который выходитъ наружу, расплывается и такимъ образомъ, смазавъ кожицу, препятствуетъ жидкости извнѣ проникнуть въ кожу.

Въ нижней части кожи, тамъ, гдѣ она соединяется съ жирнымъ слоемъ, существуютъ маленькіе клубочки, отъ которыхъ проходятъ тонкія извилистыя трубки до поверхности кожицы. Въ тѣхъ же мѣстахъ кожицы, гдѣ оканчиваются эти трубочки, находятся маленькія, воронкообразныя ямочки, которыя соединяются съ верхнимъ концомъ трубки, ямочки эти называются *порами*, а извилистыя трубочки съ клубочками называются *потными железами*.

Ознакомившись теперь съ главными частями кожи, мы постараемся уяснить себѣ, какое значеніе имѣетъ она для насъ.

Во-первыхъ, она предохраняетъ наше тѣло отъ различныхъ внѣшнихъ поврежденій, такъ какъ верхній слой кожи, кожица (какъ плотное и твердое вещество), покрываетъ все наше тѣло какъ панцыремъ; во-вторыхъ, сквозь поры кожи

проникает наружу жиръ—кожное сало, которое и смазываетъ кожицу снаружи, вслѣдствіе чего сырость не проникаетъ въ тѣло; въ-третьихъ, какъ мы уже знаемъ, нижній жировой слой кожи защищаетъ наше тѣло отъ слишкомъ рѣзкихъ пере-мѣнъ отъ холода къ теплу и наоборотъ. Въ-четвертыхъ, благодаря осязательнымъ сосочкамъ, которые скрываются тотчасъ подъ кожей, мы можемъ осязать пред-меты, и, наконецъ, въ-пятыхъ, въ кожѣ находятся потныя железы, которыя выдѣ-ляютъ въ видѣ пота (осаждающагося иногда на тѣлѣ крупными каплями) ненуж-ныя части крови.

Понятно, что при такомъ важномъ значеніи, которое имѣетъ для насъ кожа, мы должны холить ее и по возможности предохранять отъ всякаго внѣшняго вред-наго вліянія.

Мы только что говорили, что черезъ потныя железы выдѣляются ненужныя части крови. Эти выдѣленія состоятъ исключительно изъ воды и разныхъ веществъ, растворяющихся въ водѣ; вслѣдствіе внутренней теплоты, заключающейся въ нашемъ тѣлѣ, эти выдѣленія превращаются въ парь и такимъ образомъ совершенно незамѣтно для насъ выходятъ наружу. Иногда же, вслѣдствіе чрезмѣрной теп-лоты въ комнатѣ или отъ усиленнаго движенія выдѣленіе пота, испарина, бы-ваетъ очень обильно, и тогда оно выступаетъ каплями на кожѣ. Такъ какъ для того, чтобы жидкія выдѣленія крови превращались въ пары, нужна теплота, то вмѣстѣ съ потомъ выдѣляется и часть теплоты. Вотъ почему послѣ того, какъ потъ выступилъ на кожѣ, мы вдругъ чувствуемъ нѣкоторую прохладу. Для того, чтобы потъ могъ выступить на поверхность кожи, нужно, чтобы поры кожи были чисты и не засорены, то же нужно и для того, чтобы кожное сало могло выступать наружу, такъ какъ и оно выступаетъ черезъ такія же поры кожи. Отсюда ясно слѣдуетъ, что одно изъ главныхъ условій хорошаго ухода за кожей, это—сохраненіе ея въ чистотѣ, т.-е. частыя обмыванія. Если кожа не содержится въ достаточной чистотѣ, то поры засоряются, вслѣдствіе чего задерживаются потныя и сальныя выдѣленія тѣла. Если поры сальной железы засорятся, то кожное сало, не имѣя свободнаго выхода, накапливается въ железнѣ, вслѣдствіе чего она опухаетъ и образуетъ такъ-называемые угри (черная точка на верхушкѣ угря есть ни что иное, какъ загряз-нившееся отъ пыли сало). Когда вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія сала въ же-лезѣ, тонкіе кровеносные сосуды, окружающіе эту железу, переполняются кровью, тогда угорь превращается въ прыщъ, какъ это часто бываетъ на лицѣ.

Потъ или испарина, какъ мы уже говорили, есть ничто иное, какъ ненужныя вредныя вещества крови, выдѣляющіяся изъ нея черезъ потныя железы. Поэтому если потныя поры будутъ засорены, то всѣ эти вредныя и ненужныя вещества останутся въ крови, отчего она портится, что причиняетъ разныя болѣзни, напр., ломъ въ плечахъ (ревматизмъ) и проч.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что одно изъ главнѣйшихъ условій сохра-ненія здоровья—это чистота кожи, которая поддерживается частью частыми об-мываніями, частью же соблюденіемъ опрятности въ одеждѣ и бѣльѣ. Для этого хорошо ежедневно обмываться или обтираться водою. Причемъ иногда слѣдуетъ употреблять мыло, такъ какъ мыло лучше растворяетъ грязь, чѣмъ одна вода. Но слишкомъ часто употреблять мыло тоже не хорошо, потому что мыло растворяетъ сало, выпотѣваемое сальными железами, и чрезъ это лишаетъ кожу сала, которое главнымъ образомъ и придаетъ кожѣ необходимую мягкость.

Впрочемъ, такъ какъ одежда предохраняетъ тѣло отъ пыли, а бѣлье всасы-ваетъ въ себя испаренія и такимъ образомъ поддерживаетъ сухость кожи, то еже-дневныя обмыванія не дѣлаются столь необходимыми. Но при этомъ необходимо чаще мѣнять бѣлье. Мокрое или сырое бѣлье тоже вредно для кожи, потому что прилегаетъ слишкомъ близко къ тѣлу, вслѣдствіе чего кожа лишается своей обык-ной сухости, поэтому сырое бѣлье необходимо тотчасъ снять и замѣнить его су-химъ. Хорошо тоже на ночь одѣвать другую рубашку и снимать денную. За ночь рубашка провѣтрится, всосанныя за день испаренія улетучатся и рубашка вы-сушится, будетъ опять свѣжа; въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности мѣнять каждый день бѣлья.

На этомъ же основаніи на ночь необходимо снимать наружное бѣлье и не спать въ немъ, что дѣлають очень многіе.

Дѣятельность кожи (выдѣленіе пота и кожного сала) можетъ быть задерживаема не только вслѣдствіе засоренія поръ, но и вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ причинъ, какъ напр. слишкомъ рѣзкаго перехода изъ тепла на холодъ. Такъ, если отъ сильнаго жара мы покрылись испариной и попадемъ вдругъ въ холодный сквозной вѣтеръ, или изъ душной и жаркой комнаты послѣ бала или гимнастики вдругъ войдемъ на холодъ, то отъ такихъ быстрыхъ перемѣнъ температуры кожа сожмется и дѣятельность кожи прекратится внезапно, сразу, вслѣдствіе чего нужные соки скопляются въ тѣлѣ и, не имѣя другого выхода, произведутъ разныя болѣзни, напр., воспаленія. Лучшими средствами избавиться отъ дѣйствія подобной простуды, это вызвать усиленный потъ, для чего и пьютъ различныя горячіе напитки и потомъ закутываются въ постели. Если же во время вызванной такимъ образомъ испарины вы вдругъ раскроетесь, то снова подвергнете вашу кожу рѣзкому переходу отъ тепла къ холоду и можете такимъ образомъ новой простудой лишь усилить болѣзнь,—на этомъ-то основаніи, не слѣдуетъ употреблять слишкомъ холодныхъ ваннъ или окачиваній, такъ какъ и въ этомъ случаѣ потъ подвергается слишкомъ быстрому охлажденію, отчего тѣло ваше теряетъ часть своего тепла, а кожа ослабляетъ свою дѣятельность.

Впрочемъ, кожу можно постепенно укрѣпить, т. е. сдѣлать ее менѣ чувствительной къ вліянію холода, сырости и т. д., но нужно дѣлать это очень постепенно, т. е. увеличивая черезъ извѣстные промежутки времени холодъ воды и употребляя все болѣе и болѣе легкую одежду. Лучше начинать обтиранія или купанія въ водѣ, имѣющей отъ 20 до 26 гр. по Реомюру.—Впрочемъ, приученіе себя къ болѣе холодной водѣ переносится не всѣми, а потому прибѣгать къ этому безъ совѣта доктора не всегда бываетъ безопасно.

Кончивъ обмываніе холодною водою, слѣдуетъ всегда крѣпко растирать свое тѣло грубымъ полотенцемъ. Если тѣло ваше послѣ обмыванія покраснѣетъ, то въ большинствѣ случаевъ можно сказать, что холодная вода вамъ полезна и что она укрѣпляетъ ваше тѣло. Если же она вызываетъ ознобъ, то холодныя обмыванія въ большинствѣ случаевъ приходится оставить и прибѣгать къ теплымъ.

Намъ осталось сказать еще немного о волосахъ. Волосы находятся почти на всемъ тѣлѣ (только на ладоняхъ руки, на подошвахъ ногъ и на вѣкахъ ихъ нѣтъ вовсе), только не всегда они вырастаютъ одинаково густо и не достигаютъ одной и той же длины.

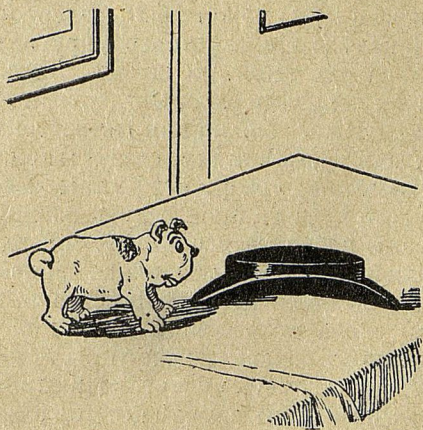
Волосы вырастаютъ изъ кожи, причемъ они, выходя внаружу, проходятъ обыкновенно между салными железами, такъ что салныя железы могутъ въ избыткѣ надѣлять ихъ необходимымъ жиромъ. Волосы не только служатъ украшеніемъ, но и защитой отъ холода, сырости и тренія кожи о другія тѣла. Если волосы сухи, что происходитъ обыкновенно оттого, что железы не надѣляютъ ихъ достаточно саломъ, что способствуетъ выпаденію волосъ,—то необходимо ихъ смазывать по временамъ какимъ-нибудь маслянистымъ веществомъ, напр., миндальнымъ масломъ. Такъ какъ недостаточное выдѣленіе жира изъ железъ обыкновенно происходитъ вслѣдствіе засоренія ихъ, то необходимо голову содержать возможно чище, чаще расчесывать ихъ частымъ гребнемъ и обмывать тепловатою мыльною водою.

Волоса достигаютъ только извѣстной длины, послѣ чего они перестаютъ расти, но послѣ стрижки вырастаютъ вновь; впрочемъ, не слѣдуетъ мужчинамъ часто стричь волосъ, такъ какъ и это способствуетъ иногда выпаденію волосъ, иногда же преждевременному сѣднью ихъ.

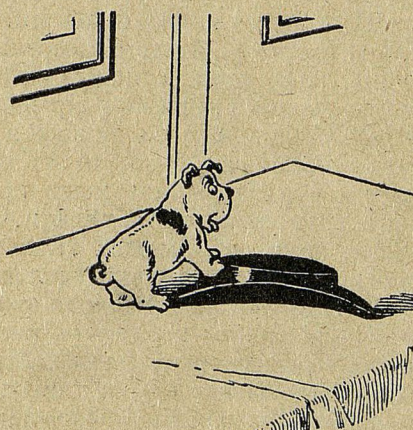
Цвѣтъ волосъ зависитъ отъ подкрашивающихъ веществъ, находящихся подъ кожей, вслѣдствіе того, что это подкрашивающее вещество отъ времени истрачивается и происходитъ обезцвѣчиваніе волосъ, т. е. сѣдина—что обыкновенно и встрѣчается въ пожилыхъ годахъ.

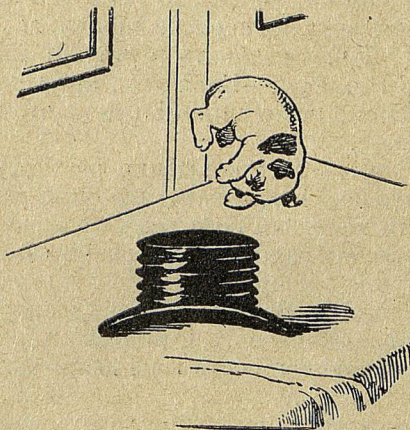
Веселыя приключенія.

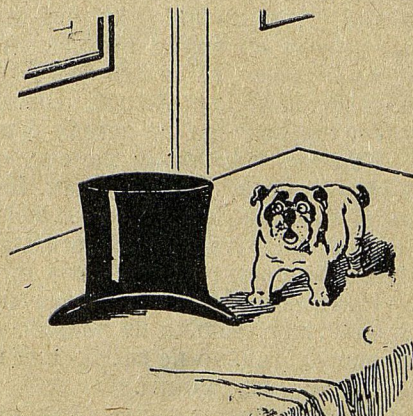
1.

2.

3.

4.

Сцены безъ словъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Птичкѣ. Стихотвореніе <i>Ив. Морозова</i>	193
Письмецо. Стихотвореніе <i>С. И. Семенова</i>	194
Гражданинъ. Стихотвореніе <i>Его-же</i>	195
Сенька. Разсказъ <i>Ал. Богданова</i>	196
Осликъ. Разсказъ <i>Ал. Липецкаго</i>	202
„Большой ученый“. Разсказъ <i>П. В. Быкова</i>	209
Изъ жизни растений. Статья <i>К. Вебера</i>	211
Отчего необходимо мыться и купаться. Статья	213
Веселыя приключенія. Сцены безъ словъ	214

ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Сто картинъ. Дѣтская картинная галлерей. Выпускъ 2-й.
2) Игрушки-самодѣлки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ „ЖАВОРОНОКЪ“: на годъ 6 р., на полгода 3 руб.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.

